

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
Филологический факультет ТГУ
Совет молодых ученых ТГУ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов I (XV)
Международной конференции молодых ученых
(3–5 апреля 2014 г.)

Выпуск 15

Том 2: Литературоведение

Томск 2014

ти (в природе *мертвенной сквозит*).

Данный факт можно объяснить ориентацией на антропоморфизацию окружающего мира. Овеществляющие и отождествляющие эпитеты в стихотворениях сборника в основном выполняют антропоморфную функцию, способствующую одушевлению природных объектов, наделению их человеческими свойствами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все выделенные нами в поэтическом сборнике «Сосен перезвон» функциональные группы эпитетов, подчинены общей, главной для художественной картины мира Н. А. Клюева, задаче — оживления и одушевления природных стихий, предметов, действий, словом всего, что составляет как внутренний, так и внешний мир человека. Эта идея близка народному сознанию, она нашла яркое воплощение в произведениях народной культуры, которая является эталоном, образцом для поэта, ориентирующегося в своем творчестве на крестьянскую культуру, живое народное слово.

Примечания

1. Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1978. С. 213.
2. *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 359.

А. В. МАЛЬКОВА

Композиция текста повести В. С. Маканина «Утрата»

Статья посвящена композиционной структуре повести В. С. Маканина «Утрата», как репрезентации культурно-исторической парадигмы XX в., выраженной в трех частной структуре повести. Композиция рассматривается с точки зрения смены позиций субъекта речи, и объекта повествования (повествователя). Представлена проблема метапрозы.

Ключевые слова: композиция, субъект речи, фокус повествования, генотекст, метапроза.

Повесть В. С. Маканина «Утрата» (1987) включает три основные фабульные ситуации (три «истории»), представляющие развития идеологических систем в России XX в.: история о копателе Пекалове, повествующая о дореволюционном обществе, демонстрирует творческие интенции «мифа о благодатной земле»; история лирического героя (травмированного больного) раскрывает личностное этическое сознание «шестидесятников»; история «сорокалетнего» фиксирует рождение «серединного» человека с омассовленным сознанием: кризис доверия бытию и потерю нравственных ориентиров в 1980-е гг.

В повести художественная реальность вскрывает историко-идеологическую парадигму: путь развития России XX в. от поиска рая до кризиса 1980-х гг. Основная и объединяющая духовная коллизия связана с сознанием автора-творца, находящегося в процессе создания

собственного текста и обращающегося к известным сюжетам (легенде, литературным сюжетам) и к ситуациям реальности. Текст автора, рождающийся в процессе размышлений, поиска вариантов и письма можно назвать генотекстом и выделить в нём три этапа текстопорождения: зарождение идеи и ее обнаружение в чужом тексте (легенда о Пекалове), наложение чужой идеи и чужого опыта на собственный опыт (кризис большого сознания лирического героя), создание своего текста («сюжета») о другом (о «сорокалетнем»).

Текст повести «Утрата» имеет сложную композиционную систему, которую можно рассмотреть как смену позиций субъектов повествования, избираемых автором-творцом в процессе рождения текста.

Композиция — «синтагматическая организованность сюжетных элементов»¹ и субъектно-речевая организация произведения — важнейший элемент композиции текста.

Три основные «истории» представлены разными нарративными позициями автора, его разными «масками».

1. В легенде о Пекалове автор выступает в позиции интерпретатора коллективного предания, излагает («переводит» в письменный текст) сказание о народном «подвижнике»². Латинское слово «*легенда*» — хранит семантику «читаемого» текста, поэтому в тексте автора-повествователя возникает диалог с претекстом, следовательно, и с коллективным сознанием, которое сакрализует подвижничество Пекалова, обретшего смысл жизни в том, чтобы прорыть тоннель под Уралом и вывести народ к высшей жизни. Фабульная ситуация легенды соотносится с утопическими идеями народа, искавшими то Беловодье, то град Китеж. С другой стороны, фабула соотносится с реальной историей XX в., с революцией, и тогда трактовка финала повествователем, обладающим знанием реальной истории нации с позиции 1980-х гг., открывает сложность народного эпического сознания, однако зов Пекалова остается без ответа, народ не пошел за ним.

Разгадывание народного сознания происходит не идеологически, не только в риторическом дискурсе (в вопросах, прямо обращённых повествователем), но прежде всего в наррации, в повествовании о процессе достижения «другой» жизни. В повествование вводятся подробности о соблазнении копателей пищей и вином, о спорах и преступлениях, об усиливающемся страхе не только перед обвалом, но и друг перед другом. Повествователь обозначает конечную цель пути болотом — гибельным местом. Повествователь, обдумывая финал, проникает в текст предания, рассуждает о вариативности легенды, о двух версиях конца «жития Пекалова»: чудесное вознесение Пекалова на небо и реальное заключение Пекалова братьями в «дом с надзирателем». Легенда о Пекалове получает двойную интерпретацию повествователя, оценивающего идею Пекалова как безумного призыва в никуда, а народное сознание как склонного

к утопизму и одновременно бездеятельного по причине неверия в лучшее.

2. История лирического героя — репрезентация индивидуального сознания. Разрушение эпического сознания и связанного с ним героического сознания в прозаической действительности обесмысливает жизнь индивидуальной личности. Утратив интенцию к общезначимым целям, частный человек обретает страх перед поступком (страх перед высотой, перед полётом — как у Маканина), это травмированный человек. В центр условного пространства автор ставит собственное сознание, центральный персонаж — лирический герой. Повествование отдано лирическому герою, он объект и субъект повествования, что позволяет как непосредственно выразить поток сознания, так и отразить его, переводя в текст. Вариативность в изложении фабулы связана как с тем, что она является плодом воображения больного сознания, так и с тем, что в процессе повествования возникает дистанция субъекта изображения и самого себя как объекта изображения. Повествователь пытается найти цель и смысл существования через изображение своего воображаемого поведения в ситуации, вызываемой галлюцинациями, то есть навязчивыми видениями, выражающими внутреннюю интенцию вопреки страху и боли.

В лирическом дискурсе субъекта повествования много вставных историй (воспоминаний и видений), которые создают образ опустошенности, и передают кризис сознания. Лирический герой испытывает наряду со страхом перед невозможностью спасения чувство страха за другого слабого человека — ребенка, стоящего перед падением в окне. И в повествовании возникает фабула многочисленных попыток спасения ребёнка: путь к нему, который не завершается спасением. Так Маканин обозначил этический способ индивидуального сопротивления распаду, страху и бездеятельности в личности, обретшей неутопическое социальное сознание.

3. В истории сорокалетнего можно увидеть творческую рефлексию лирического героя второй истории, преодолевшего хаос сознания, обретшего не позицию поступка, но позицию понимания, следовательно, позицию вневходимости, позицию творца. В центре повествования персонаж, лишённый имени. С одной стороны, он «человек». Обобщение автора-повествователя, позволяющее извлечь универсальное, притчевое значение из фабульной истории. С другой стороны, он «сорокалетний», типичный, «средний», современный массовый человек. Фабула истории строится на сюжете возвращения к корням (аллюзии к сюжету блудного сына): сорокалетний приезжает в исчезнувший поселок, где прошло его детство. Если в фабуле редуцируется событие, то есть значимое последствием положение, то повествование создаёт процесс воскрешения исчезнувшего мира: воспоминания героя позволяют объективному повествователю включить точку зрения персонажа, попытка прорыва героя к бытию, которое предстаёт только в знаках исчезновения: следы бывше-

го посёлка, кладбище, природа, не становящаяся домом даже для птиц.

В исторической парадигме 1980-е гг. являются кризисом обращения к русской деревни как хранителю бытийных устоев. Патриархальная утопия исчезает подобно прогрессистской, вместе с ней происходит кризис бытийного сознания, и преодоление экзистенциального трагизма происходит при возвращении к повседневному, дробному, бездумному сознанию, омассовлённому сознанию.

Трёхчастная композиция повести обретает трёхуровневую структуру. Разные субъекты повествования представляют разные уровни сознания автора: повествователь (в легенде о Пекалове, истории сорокалетнего) и лирический субъект (в истории лирического героя) включены в сознание автора-творца. Автор-творец, во-первых, обладает собственным словом, комментирующим либо события, либо чужие тексты (рассуждения о финале Пекалова, об истории деревни в сюжете сорокалетнего). Автор-творец включает множество вставных рассказов, эпизодов, анекдотов, притч: легенда о китайском враче, притча об Александре Македонском, история таблеточника; бред туркмена о испорченных часах; воспоминание праздничного застолья; воспоминание о лагере для слепых; история Валентины. Они разрушают фабульное единство повести, последовательность наррации, порождают равноправные трём основным историям семантические поля, создающие именно авторское ассоциативное поле, обнажающие творческий процесс создания текста, а не его результат в завершённых фабулах.

Метатекстовая структура повести создаёт сложную художественную систему риторических, образных и нарративных комментариев трёх основных нарративных текстов, процесс создания текста становится выражением познания бытия автором, множественными дополнениями, комментариями автор уточняет модель истории XX в. как утраты утопического сознания.

Примечания

1. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970. С. 255.
2. *Маканин В. С.* Повести. М., 1988. С. 144.

Ю. А. МИКЛАШЕВСКАЯ

Субъектная организация романа И. Одоевцевой «Ангел смерти»

Статья посвящена проблеме соединения традиции русского классического психологического романа и традиции массовой литературы в романе Ирины Одоевцевой «Ангел смерти». Эта проблема рассматривается через призму субъектной организации романа.

Ключевые слова: Ирина Одоевцева, русский психологический роман, массовая литература, субъектная организация.